

Sankirtos

**Studies in Russian
and Eastern European Literature,
Society and Culture**

In Honor of Tomas Venclova

**Edited by Robert Bird, Lazar Fleishman,
and Fedor Poljakov**

PETER LANG

Internationaler Verlag der Wissenschaften

**Bibliographic information published by the Deutsche
Nationalbibliothek**

The Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the
Deutsche Nationalbibliografie; detailed bibliographic data is
available in the internet at <<http://www.d-nb.de>>.

Printed with support of Bundesministerium
für Wissenschaft und Forschung in Vienna.

Layout: Darja Wilke, M.A., Vienna

Cover illustration and frontispiece:
Photo of Tomas Venclova by courtesy
of Ivan Milovidov.

ISSN 1860-045X

ISBN 978-3-631-56931-3

© Peter Lang GmbH

Internationaler Verlag der Wissenschaften

Frankfurt am Main 2008

All rights reserved.

All parts of this publication are protected by copyright. Any
utilisation outside the strict limits of the copyright law, without
the permission of the publisher, is forbidden and liable to
prosecution. This applies in particular to reproductions,
translations, microfilming, and storage and processing in
electronic retrieval systems.

Printed in Germany 1 2 4 5 6 7

www.peterlang.de

**«Слово-плоть»: варианты и редакции
сонета Вяч. Иванова «Язык»**

Андрей Шишкин
Salerno – Rome

Язык

- 1 Родная рѣчь пѣвцу земля родная:
- 2 Въ ней предковъ неразмѣнный кладъ лежитъ,
- 3 И нашептомъ дубравнымъ ворожить
- 4 Внушенныхъ нѣбомъ пѣсень мать земная.

- 5 Какъ было древле, — глубь заповѣдная
- 6 Зачатій ждетъ, и духъ надъ ней кружить...
- 7 И сила нѣдръ, полна, въ лозѣ бежитъ,
- 8 Словесныхъ гроздій сладость наливная!

- 9 Прославленная, свѣтится, звеня
- 10 Съ отгуломъ сферъ, звучащихъ издалеча,
- 11 Стихія свѣтомъ умнаго огня.

- 12 И вѣщій гимнь, ихъ свадебная встрѣча,
- 13 Какъ уголь, въ алмазь замкнувшій солнце дня, —
- 14 Творенья духоноснаго предтеча.

В своем эссе «В.И.Иванов. *Язык*» Томас Венцлова писал:

Это размышление поэта о своем материале, о его неисчислимых возможностях и неизбежных ограничениях; о его многосложной и антиномической природе; о пластах прошлого, запечатленных в языке, и том возможном будущем, которое самим существованием языка смутно, «как бы сквозь тусклое стекло», предугадывается <...> «Язык» не только пересказывает отнюдь не простую лингвистическую концепцию Иванова на сжатом пространстве четырнадцати строк: он передает ее всей своей мате-

рией, всей плотью слова, всей своей симметрией и равновесием. При этом он объединяет ее с иными философскими и мифологическими планами ивановской мысли — с его символикой мировой души, дионисийства, соборности <...> Земля, Гея, Деметра в ивановской символической системе играет огромную роль. Она может рассматриваться как плоть — и душа — мира, женский его аспект, темное отражение Предвечной Девы — родительницы Диониса. В христианской интерпретации земля может быть сближена с Богородицей; в чисто психологической — с юнгианской категорией *anima*; сонет «Язык» дает нам еще одну интерпретацию — в творческой, поэтической сфере земля есть стихия народной речи, рождающая стих и как бы уже носящая его в себе.¹

В ходе разбора бумаг Римского архива Вяч. Иванова (далее — РАИ) 1920-1940 гг. выявились материалы, которые дают возможность уточнить место концептов и символов сонета в ивановской поэтической системе и восстановить ход работы поэта над сонетом. Прежде всего среди этих материалов назовем авторский проект стихотворного сборника «Рай затворенный» (1936; он послужил основой сборника *Свет вечерний*, увидевшего свет уже посмертно в 1962 г.), куда сонет был включен. Поэтические книги именованы здесь следующим образом: I. Poesis. II. Anima mundi. III. Defuntis. IV. Animus et Anima. V. Pietas. VI. Разные сонеты. В другом, видимо более позднем плане все названия даны по-русски: I. Творчество. II. Природа. III. Ушедшие. IV. Душевное. V. Духовное. VI. Сонеты. Во-вторых, в Римском архиве находятся семь рукописных автографов и несколько авторизованных машинописей сонета «Язык», датируемые с достаточной определенностью.

В сонете, по точному наблюдению Томаса Венцлова, как в некоем фокусе сведены мифологемы символической системы Вяч. Иванова. При том, что эта поэтическая система оставалась в значительной мере неизменной, где-то на рубеже 1930-х гг. Иванов решил последовательно «упростить» названия своих произведений, пошел на приглушение, частичную редукцию поэтических символов и мифологем (на вопрос, с чем это было связано, мы попытаемся предложить ответ в заключении статьи). «Рай затворенный» — одно из литургических обозначений Богородицы: в этом смысле первоначальное название находилось в том же ряду, что и *Cor Ardens* (1911), и

указывало на главную религиозно-философскую интенцию в метафизической поэзии Вяч. Иванова;² однако это заглавие оставлено для другого — «Свет Вечерний». В последней редакции этого сборника все многозначительные названия книг сняты, оставлены только римские цифры.

Сопоставление рукописных автографов и перечеркнутой машинписи показывает, как трансформировались символы и концепты в ходе работы поэта над сонетом.

Первым названием сонета было «*Λόγος, Σοφία, Ποίησις*», затем оно неоднократно менялось: → «Поэзия» → «Слово-Плоть» → «Слово» → «Язык»; в одном из других планов сборника — «Родная речь». Рассмотрим последовательность редакций и вариантов сонета.

Начальная редакция — хорошо читаемая скоропись на первом листе школьной тетради в косую линейку итальянского производства, нижняя часть страницы оборвана. Обычно поэт набрасывал первый вариант карандашом, а завершённую версию выполнял чернилами. В этом случае, однако, перед нами карандаш, перечеркнутый беловик (зачеркнутое выделено квадратными скобками); поэт записал 14 строк и сразу стал работать над ними дальше; на том же листе набросан, а затем многократно перечеркнут вариант первого катрена белым стихом по-немецки: видимо, попытка проверить найденные образы и символы на другом языке. Вот эта редакция:

1. Редакция Ia (оп. 1, карт. 1, папка 1, л. 176):

Λόγος, Σοφία, Ποίησις

1	Родная рѣчь пѣвцу земля родная.
2 а.	[В ея полях] душа [моя] цвѣтеть
б.	Ея цвѣтком душа его цвѣтет
3	И корни въ ней вѣтвистые плететь.
4 а.	[Мой духъ съ небесъ — она мнѣ] мать земная
б.	Залетной гостье мать она земная.
5	Неизслѣдима глубь заповѣдная:
6	Въ ночь, ошупью, дремотный стволъ растеть,
7	И силой нѣдръ, въ лозѣ струясь, поеть,
8	Словесныхъ гроздій сладость наливная.

- 9 а. [Играеть въ немъ] и свѣтится, звеня
 б. [Вся строй крылатый <?>, свѣтится, звеня
 в. [И Слово-плотью <?>] свѣтится, звеня
 г. [Вся строй и слава,] свѣтится, звеня
 д. Прославленная, свѣтится, звеня
- 10 а. [Струной отвѣтной зову издалеца,]
 б. [Согласно звукам, слышным издалеца,]
 в. Въ лад музыкъ, звучащей издалеца,
- 11 а. Стихия [даромъ] умнаго огня
 б. Стихия свѣтом умнаго огня
- 12 а. И [мой глаголь], их свадебная встрѣча,
 б. И вѣщій гимнь, ихъ свадебная встрѣча,
- 13 Какъ уголь, взыгравшій въ камнѣ солнцемъ дня,
 14 Творенья духоноснаго предтеча.
- 1 [Die Muttersprache ist dem Sanger die Mutter Erde
 2 Als diese Blume, bluhet seine Seele auf
 3 Und in ihrer Tiefe windet sie astige Wurzeln
 4 Der her]

Как видим, сразу и навсегда складываются первая строка катренов, финальные строки терцетов и связанные с ними рифмы (строки 1-4-5-8; 11-13; 10-12-14). Как можно предположить, в тот же день Иванов продолжает работу, вписывает ясно читаемой скорописью следующий вариант на оборотный лист и обозначает дату:

2 Редакция 1б: перечерненный беловик, карандаш (оп. 1, карт. 1, папка 1, л. 176 об.):

Поэзія

- 1 *как в окончательном тексте*
 2 Ея цвѣткомъ душа его цвѣтеть
 3 И корни въ ней вѣтвистые плететь.
 4 а. [Залѣтной гостье] мать она земная.
 б. Посѣву неба мать она земная.

- 5 Неизслѣдима глубь заповѣдная:
 6 Въ ночь, ошупью, дремотный стволъ растеть,
 7 И силой нѣдрь, въ лозе струясь, поеть,
 8 *как в окончательном тексте*
- 9 Прославленная, светится, звеня
 10 В лад музыкъ, [звучащей] сходящей издаledча
 11 Стихія свѣтомъ умнаго Огня
- 12 *как в окончательном тексте*
 13 Какъ уголь, въ алмазь [вобравшій] вместившій солнце дня, —
 14 *как в окончательном тексте*

ок. 9 II. '27

Работа продолжена на отдельном листе чернилами, аккуратным почерком, затем текст слегка перечерняется карандашом. Вот он:

3 Редакция *Ив*: беловик чернилами, перечерненный карандашом, его мы выделяем подчеркиваниями (*оп. 1, карт. 1, папка 1, л. 173*):

Поэзія

И Слово плоть бысть.

- 1 *как в окончательном тексте*
- 2 а Ея цвѣтком душа душа его цвѣтеть
 б. Ея весной певучій дарь цвѣтеть
- 3 И корни въ ней [вѣтвистые] [дрѣмотные] плететь.
- 4 а. Посѣву Неба мать она земная.
 б. Творенью духа мать она земная.
- 5 Неизследима глубь заповѣдная:
 6 а. Въ ночь, ошупью, дремотный стволъ растеть,
 б. Въ ночь, ошупью, [глухой посевь] растеть,
 в. Въ ночь, ошупью, дремотный севь растеть,
- 7 И силой нѣдрь, въ лозѣ струясь, поеть,
 8 *как в окончательном тексте*
- 9 *как в окончательном тексте*
 10 Въ лад музыкъ, сходящей издаledча
 11 Стихія светомъ умнаго Огня.

- 12 *как в окончательном тексте*
 13 Какъ угль, въ алмазѣ скрывшій солнце дня, —
 14 *как в окончательном тексте*

Павия 10. II. 1927³

Наконец, сонет без помарок отчетливой скорописью переписывается чернилами в тетрадь, содержащую стихотворения 1919-1927 г.⁴ Это последний вариант первой редакции.

4 Редакция *Иг.*, окончательная (тетрадь 4, л. 33 об.):

Позіія

И Слово плоть бысть.

- 1 *как в окончательном тексте*
 2 Ея цвѣтком душа его цвѣтеть
 3 И корни в ней вѣтвистые плетет.
 4 Посѣву Неба мать она земная.
- 5 Неистоцима глубь заповѣдная;
 6 Въ ночь, оцупью, дремотный стволь растет,
 7 И силой нѣдр, в лозѣ струясь, поет,
 8 *как в окончательном тексте*
- 9 *как в окончательном тексте*
 10 Въ лад музыкѣ, сходящей издалеча,
 11 Стихія свѣтомъ умнаго Огня.
- 12 И стройный гимнъ, ихъ свадебная встрѣча,
 13 Какъ угль, въ алмазѣ скрывшій солнце дня, —
 14 *как в окончательном тексте*

10 февраля 1927

Как видим, от первоначального названия — *Λόγος, Σοφία, Ποίησις* — осталось последнее слово, первое же перемещено в эпиграф. Символическое значение его теперь уточнено и умножено. Действительно, заимствованный из первых строф Евангелия от Иоанна эпиграф указывает на христианский Логос, Логос-Христа,⁵ и эпиграф взаимодействует с христологическим образом — «лозой» (ср.: «Я есмь

истинная виноградная лоза» Иоан.15:1) второго катрена (7 строка) в первоначальной редакции и во всех последующих вариантах. Здесь надо иметь в виду, что в русском символизме концепт «Слово-Плоть» играл особую роль. Андрей Белый писал о «Слове-Плоти» как высшем символе или символе символов во введении к своей книге *Символизм*, 1910. В статье 1915 г. Н.Бердяев заявлял, что у Иванова «не слово делается плотью, а плоть делается словом, бытие переходит в слово»: ⁶ упрек, который во всяком случае говорит об общей для современников системе ценностей. «Поэтическое слово должно быть “логосом”, и “логос” — плотью звучащего слова. Нынешний раскол в слове между плотью-звуком и смыслом, прикрываемый схематизмом рассудочной мысли, должен быть сознан, обличен и побежден», — утверждал Иванов, откликаясь на статью Андрей Белого «Жезл Аарона» в 1922 г. («О новейших теоретических исканиях в области художественного слова», IV, стр. 635). Примечательно, что в римском доме Вяч. Иванова хранится икона с церковнославянской надписью «Слово-Плоть» (см. репродукцию на стр. 49).

Образность *Σοφία* можно усмотреть в символе Словесного Древа. ⁷ Если символы и концепты в начале и в заключении сонета были найдены сразу, то образ Древа в вариантах — наименее определенный, работа в движении черновиков сосредотачивается в основном на нем. Собственно говоря, Древо появляется лишь в отброшенных вариантах: ⁸ в окончательной редакции оставлен только «дубравный нащепт». Как видим, *Σοφία* была выведена из заглавия и надежно утаена в первом катрене.

Эту редакцию, но без евангельского эпитафа Вяч. Иванов 15 мая 1927 г. подарил искусствоведу Б.В. Шапошникову, который посетил поэта в Павии и поднес ему свою книгу *Эстетика числа и циркуля*, 1926. ⁹ Как видно, также без евангельского эпитафа был послан сонет в Баку профессору Вс.М.Зуммеру, который открыл им самиздатский машинописный сборничек Вяч. Иванова «Ave Roma», 1928. ¹⁰ Сборник распространялся в СССР в узком кругу единомышленников и учеников Иванова, ¹¹ — таким образом, именно в нем состоялась первая публикация сонета.

Следующая редакция сонета может быть датирована 1936-1937 годом, когда у Вяч. Иванова, окончательно утратившего всякие связи

с Советской Россией, завязался интенсивный контакт с русским парижским журналом *Современные Записки*. В.В.Руднев и И.И.Фондаминский обдумывали проекты издания поэзии и прозы римского поэта как на страницах журнала, так и в отдельных книгах; проекты эти не осуществились в связи с начавшейся мировой войной. В январе 1937 г. Иванов выслал Рудневу машинописный сборник «Рай затворенный» (его местонахождение не выявлено; в Римском архиве находятся вторые копии этой машинописи, сделанные под копирку). Руднев отвечал 1 февраля: «<...> столько сокровищ, что глаза разбегаются. Будем печатать в каждой книжке журнала и готовить отд<ельное> издание. Большое спасибо. Мне лично очень много говорят Ваши посвящения ушедшим, Ваши циклы с Оки и мн<огое>, мн<огое> другое» (Римский архив Вяч. Иванова, оп. 3, № 173). Вяч. Иванов предложил для немедленной публикации в журнале семь стихотворений (указав, из какого раздела «Рая затворенного» взять их); заключительным в этом цикле был сонет «Слово-Плоть».

В Римском архиве сохранился полулист с автографом сонета под тем же названием (карт. 1, л. 174); он в основном соответствует тексту, включенному в «Рай затворенный». Это скоропись карандашом, правка весьма незначительна, на обороте листа неразборчиво три с половиной стиха по-итальянски, густо зачеркнутые. В этой редакции поэт полностью переменял рифмованные слова в строках 2-3 и 6-7 катренов. С автографом практически совпадает машинопись, отправленная в Париж в составе «Рая затворенного» (второй экземпляр ее, под копирку — в картоне 3, папка 1, л. 140; текст 1937 г. без труда восстанавливается при игнорировании слоев последующей правки; см. ниже) и опубликованная в *Современных Записках*, кн. LXV, стр. 165-166; единственное разночтение по сравнению с рукописным автографом в строке 4.

5. Редакция *Па* (оп.1, карт. 1, л. 174; карт. 3, папка 1, л. 140), журнальная, 1937 г.:

Слово — Плоть

1	как в окончательном тексте
2	Ея дубравой пѣснь его шумить;
3	как в окончательном тексте

- 4 а Сновь, свыше вдохновенныхъ, мать земная.
 б Небесныхъ вдохновеній мать земная.
- 5 Неизследима глубь заповѣдная.
 6 Въ ночь, ощупью, свой корень лучъ стремить, —
 7 И силой нѣдръ, в лозѣ струясь, гудить,
 8 *как в окончательном тексте*
- 9 *как в окончательном тексте*
 10 Созвучьямъ въ ладь, сходящимъ издавеча,
 11 *как в окончательном тексте*
- 12 *как в окончательном тексте*
 13 *как в окончательном тексте*
 14 *как в окончательном тексте*

Следующий вариант этой редакции может быть датирован уже серединой 1940-х годов. В 1946 г. профессор из Оксфорда С.А.Коновалов предложил Вяч. Иванову издать книгу стихотворений в Англии. Поэт сначала стал работать поверх второго экземпляра машинописного текста 1936 г. (б — картон 3 папка 1 л. 140), затем заново написал карандашом два следующие варианты (в и г; г, последний вариант, написан на обороте предыдущего, перечеркнутого поперек сверху вниз, в нем в строке 7 правка еще продолжается). Этот последний (редакция IIг) уже совпадает каноническим текстом *Света вечернего*, который мы привели в начале статьи. Сведем эти три варианта вместе.

б. Редакция II бвг (оп. 1, карт. 3, папка 1 л. 174; оп. 1, карт. 1, папка 1, л. 175 об.; оп. 1, карт. 1, л. 175):

Язык

- 1 б,в,г *как в окончательном тексте*
 2 б Ея дубравой пѣснь его шумить;
 в,г *как в окончательном тексте*
 3 б И нашептомъ стариннымъ ворожить.
 в,г *как в окончательном тексте*
 4 Небесныхъ вдохновеній мать земная.
 в,г *как в окончательном тексте*

- 5 б Неизслѣдима глубь заповѣдная
 в [Какъ древній хаосъ,] Бракъ стародавній! глубь заповедная
 г [нрзб¹²] *как в окончательном тексте*
- 6 б Въ темь мутную свой замысль духъ <нрзб¹³>
 в,г *как в окончательном тексте*
- 7 б И силой нѣдрь, въ лозѣ струясь, гудить,
 в. [И радость нѣдрь пьяна,] Как буйно сила нѣдр въ лозѣ бежить,
 г [2 слова нрзб¹⁴] *как в окончательном тексте*
- 8 б,в,г *как в окончательном тексте*
- 9 б,в,г *как в окончательном тексте*
- 10 а. Въ ладъ гулу сферь, звучащихъ издалеча
 б,в *как в окончательном тексте*
- 11 б,в,г *как в окончательном тексте*
- 12 б,в,г *как в окончательном тексте*
- 13 б,в,г *как в окончательном тексте*
- 14 б,в,г *как в окончательном тексте*

Как видим, только в самой последней версии находится замечательная — афористическая по силе — формула в строке 2. Поэт пробует усилить дионисийскую образность во втором катрене, затем отказывается от этого намерения.

Превосходно сохранившиеся редакции и варианты вводят нас в творческую лабораторию Вяч. Иванова, в которой работа над сонетом не прерывалась два десятилетия. Начальная и финальная строка, основные концепты и символы были найдены сразу и навсегда. Другие — *Σοφία*, Слово-Плоть, Древо, *Anima mundis*, *Animus*, дионисийское начало — в ходе растянувшейся работы поэт предпочел разъять и «растворить» в катренах и терцетах. Снят даже столь существенный ключ к пониманию сонета как эпиграф из Апостола. Как можно характеризовать эту тенденцию? Умножился или редуцировался смысл в ходе переработок? Найти корректный ответ на эти вопросы непросто.

Кажется, что перед нами одновременно несколько противоречащих друг другу тенденций: упрощение и усложнение, поиски

ювелирно точного выражения и в то же время — сокрытие религиозно-философского значения поэтических символов и мифологем. Здесь в одном направлении двигались и психологическая интенция и эстетическая норма. В 1944 г. будут написаны строки: «К неофитам у порога Я вещал за мистагога. Покаянья плод творю: Просторечьем говорю» (III, 593). Но с 1928 г., все тридцатые и все сороковые годы пишется «Повесть о Светомире» — загадочное повествование о прошлом и будущем России; делается попытка перевести на немецкий и на итальянский язык сложнейшую религиозно-философскую поэму «Человек»...

Поэт в эти годы ощущал завершение культурного периода и собственную отъединенность от читающей аудитории:¹⁵ отголосок этого эмигрантского ощущения можно усмотреть в первой строке сонета (см. близкие образы в посвященном И.Н.Голенищеву-Кутузову стихотворении «Земля» (1927-28 — III, 508), которое начинается строками «Повсюду гость и чуженин И с музой века безземелен...»). В «Палинодии» (14 января 1927) поэт возвестил о своем покаянии и удалении от мира: «Молчанья дикий мед и жесткие акриды» (III, 553). Характерны сочувственные и горькие слова, написанные Вл. Ходасевичем в Париже как отзыв на первую публикацию ивановских сонетов в эмигрантской печати — в номере *Современных Записок* за 1937 г.: «Не приходится отрицать и то, что на фоне новейшей нашей поэзии творчество Вячеслава Иванова звучит несколько архаически. Однако, было бы напрасным и вредным самообольщением думать, что это оттого, что мысли Вячеслава Иванова отстали от мыслей современной поэзии нашей. Вячеслав Иванов архаичен не потому, что устарели его мысли, а потому, что самая наличность мыслей в поэзии, к несчастью, сделалась архаизмом. Сладкозвучнейшие из наших поэтов не глубокомысленны».¹⁶ Редкие ценители поэзии и поэтики Вяч. Иванова были разобщены в советской России — М.Волошин, П.Флоренский, В.Бородаевский, Ю.Верховский, В.Пяст, Г.Чулков, М.Бахтин, А.Лосев. Для них смысл символов и концептов мира их современника был действителен и жив. Замечателен в этой связи отзыв об одной ивановской книге старшего единомышленника Бахтина Пумпянского: «Перед нами не сборник стихов, а “поэтическая система” (одна из 5-6 нашей замечательной эпохи), то есть мир, который силен призвать жить собою <так! — А.Ш.>, потому что он

организовал в одном направлении громадную семью концептов; повторить отраженно это медленное их движение в одном трудном и важном направлении — вот что привлекает к “поэтической системе” стремящиеся умы». ¹⁷ Проницательный этот отзыв, однако, поэту известен быть не мог.

Эмиграция беспочвенна — «не жизнь поэту без его живой страны»: этот тезис опровергается сразу первой строкой сонета. Последняя его строка обращена *вперед*, в *будущее*. Из этого будущего раскрываются символы и образы сонета, умножается, в контексте большого творчества поэта, их смысл. ¹⁸ Эту устремленность в будущее превосходно сформулировал в заключение своего анализа Томас Венцлова:

Язык — и поэзия, согласно Иванову, есть только предвестие, прообраз, *предтеча* некоей будущей вселенской соборной связи людей; на этой ступени, где будут сняты все противоположности и противоречия, язык превзойдет себя и самоуничтожится; но эту вселенскую общину можно лишь смутно предугадывать (попытки ее своевольно строить чреваты тягчайшими заблуждениями).

Примечания

¹ Томас Венцлова, «В.И.Иванов: “Язык”», в его кн.: *Неустойчивое равновесие: восемь русских поэтических текстов* (New Haven, 1986), стр. 102-103, 107.

² Ср. дневниковую запись 1902 г., обращенную к самому себе: «Хотелось бы установить мне связь Богоматери с Древом Жизни. <...> Итак, в лирической форме, в ряде сонетов сказать то, что я знаю (не тем знанием, которое может быть выражено в прозе) о неумирающем Рае и Древе Жизни, о Мире и Девстве, de Mariano Civitas Dei semino et fulcro?» <о роде Марии и опоре Града Божия — латин.> — В.И.Иванов. *Собрание сочинений*. II (Брюссель, 1979), стр. 771. Далее том и страница этого издания указываются в тексте.

³ Место и дата вписаны карандашом, изменившийся почерк.

⁴ Подробное описание тетради — О.А.Кузнецова, «Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов», *Русский модернизм. Проблемы текстологии* (С.-Петербург: Алетейя, 2001), стр. 236-239.

⁵ Ср. строфу полностью: “И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его” (Иоанн 1: 14).

⁶ Н.А.Бердяев, «Очарование отраженных культур». Цит. по изд.: В.И.Иванов. *По звездам. Борозды и межи* (Москва, 2007), стр. 655.

⁷ Замечательно, что Л.В.Пумпянский в тезисных набросках к ненаписанной статье 1925 г. выделяет Древо как один из главных элементов в поэтической системы Вяч. Иванова: «дерево: чтобы соединиться с нею <любовью — А.Ш.> — корни в Ад, листву в небо. Подымается громадное всемирное дерево, цель роста которого — сохранить бывший всемирный замысел. Отсюда ясно, что острая связь научной культуры с поэзией у Иванова происходит <...> от превращения неисполненной любви в Древо» — Л.В.Пумпянский, «О поэзии В.Иванова: мотив гарантий», в его кн.: *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы* (Москва: Языки русской культуры), стр. 538. См. также В.П.Троицкий, «Парерга и паралипомена» (статья В.Иванова «Наш язык» — публикация, комментарии и размышления), *Вячеслав Иванов: творчество и судьба* (Москва: Наука, 2002), стр. 215-216, прим. 12-13. Из новейшей литературе о Древе см.: М.Б.Плюханова, «Этюд о Древе Богоматери», *Шиповник. Историко-филологический сборник к 60-летию Р.Д.Тименчика* (Москва: Водолей, 2005), стр. 341-353. Из произведений Иванова о Древе назовем прежде всего сонет «Apollini» (III, 358), «Selva Oscura» (I, 521), «Деревья» (III, 533-8), «Голоса» (I, 570), «У лукоморья дуб зеленый...» (III, 589; здесь неслучайно последние слова в стихотворении — «родная речь»), «Замышление Бояна» (IV, 52).

⁸ Чтобы уяснить софийную проблематику Древа в вариантах сонета имеет смысл привести обширную цитату из статьи Вяч. Иванова «Наш язык» (1918), само название которой неслучайно совпадает с одним из заглавий нашего поэтического произведения (курсивом выделены термины, перешедшие в варианты и редакции сонета): «Воистину теургическим представляется их <свв. Кирилла и Мефодия — А.Ш.> непостижимое дело, ибо видим на нем как сама стихия славянского слова самопроизвольно и любовно раскрывалась навстречу оплодотворяющему ее наитию, свободно поддавалась налагаемым на нее высшим и духовнейшим формам <...> обретая в счастливом и благословенном браке с эллинским словом свое внутреннее свершение и полноту жизненных сил, вместе в даром духовного чадородия <...> И Пушкин, и св. Сергей Радонежский обретают не только формы своего внутреннего опыта, но и первые тайные позывы к предстоящему им подвигу под живым увеем родного «словесного древа» <видимо, имеется в виду эпизод из жития святого: отрок, который дотоле не мог выучиться грамоте, под дубом повстречал пресвитера, который дал ему съест просфору, и он разом научился — А.Ш.>, питающего свои корни в Матери-Земле, а вершину возносящего в тонкий эфир софийской голубизны <...> И довольно

народу <...> заговорить по-своему, по-русски, чтобы вспомнить и *Мать Сыру-Землю* с ее *глубинной* правдой, и Бога в вышних с Его законом» (IV, 676-677, 680; см. также В.П.Троицкий, «Парерга и паралипомена», стр. 203-227).

⁹ «Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год». Публ. Н.В.Котрелева и Л.Н. Ивановой, *Русско-итальянский архив*. II (Salerno, 2001), стр. 24, прим. 21; М.Б.Шапошников, «Вяч. Иванов и Б. В. Шапошников: к истории взаимоотношений». Доклад на IX международной ивановской конференции, Москва 18-23 декабря 2006 г. Автограф воспроизведен в кн.: *Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура* (Томск-Москва: Водолей, 2003), илл. 22.

¹⁰ Копия в РАИ. Вот состав сборника: «Поэзия», «Собаки», «Ропот волн...», «Каменный дуб», «Палинодия», семь Римских сонетов, «Уж расставались мы...». Всюду «новая» орфография.

¹¹ Ср. «В последний свой московский приезд видел только что приехавшего Макса <Волошина — А.Ш.>, — читал ему выдержки из Вашего письма и подарил копию “Ave Roma”» (Вс.М.Зуммер. Письмо к Вяч. Иванову от 16 февраля 1927 г. — РАИ, оп. 3, № 93); «“Ave Roma” имеет повсюду добрый успех и оживленно размножается» (его же письмо к Вяч. Иванову от 5 марта 1927); «Вы были довольны, что я «рассеял» Римские сонеты по Москве» (его же письмо от 10 января 1928 — РАИ, оп. 3, № 93). Копия сонета «Поэзия» находится также в составе недатированного сборничка стихотворений Иванова, переписанного рукой Ю. Верховского и переданного его наследниками Д. В. Иванову в 1950-е годы (РАИ оп. 3 № 33, л. 15).

¹² Две строчки густо заштрихованы.

¹³ Эта строчка вписана карандашом, потом стерта.

¹⁴ Густо заштрихованы.

¹⁵ Ср. в письме к Вл. Ходасевичу от 29 декабря 1924 г.: «Не жизнь поэту без его живой страны, а в Москве <...> как ни уверял себя, что мертв я, а вокруг меня живые, глаза и сердце упорно отказывались свидетельствовать о жизни и радости, которые веют там, где дышет животворящий Дух. И жадно хотелось переменить воздух и оглядеться в Европе и из Европы; но жизни на западе я также не узрел» — *Russica Romana*, Vol. IX (2002), p. 113; а также в письме к А.Пеллегрини от 19 апреля 1934 г.: «Радость моя соединялась с легкой тенью меланхолии <...> и благодарностью к возлюбленной мною Италии, где ценится мое безвестное творчество, тогда как в моем отечестве оно находится под запретом — хотя, даже если б этого запрета и не было, оно звучало бы странно и непонятно поколениям, которые утратили муз и память» («Переписка Вяч. Иванова и А.Пеллегрини», в печати). Но что в эмиграции лишь язык утешение

— в русской литературе топос уже у И.С.Тургенева: «В дни тягостных раздумий, <...> о великий, свободный, могучий...».

¹⁶ Газ. *Возрождение*, № 4058, 25 декабря 1936.

¹⁷ Л.В.Пумпянский, «О поэзии В.Иванова: мотив гарантий», стр. 538 (написанная в 1925 г., эта работа смогла увидеть свет только в 2000 г.). Пумпянский уступает в пронизательности такому во многом равновеликому современнику Иванова, каким был Андрей Белый. Ср. VII главу из его во многом критической по отношению к поэзии Иванова статьи 1917 г.:

По Иванову, слово есть символ, метафора; как таковой, оно — внутренне, и вырастает из опыта произнесений, молитв, как цветок из земли; в воображении возникает оно воспоминанием о событии космической жизни, запечатленном въ народе, мифично оно; но сказать нельзя в ветхом слове: *quaternio terminorum* логической мысли; Новалис и Тютчев из глуби молчания растят нам цветы; и поэзия их, *как сомнамбула под покровами ночи* слагает свой знак немоты; это — символ, взрывающий воспоминания в нас о событии космической жизни, и в нем — зерно мифа; искусство, основанное на символах, есть *символика* религиозных реальностей; логику с глубиной немоты сочетает она; здесь, в символике — вскрытие слова и прорезь путей; здесь, в метафоре, — созревает младенческий миф, прорезаясь сквозь коросты внешних канонов эстетики и питаюсь послушанием поэта пути его жизни; индивидуум, разрывая *со внешним канонем* в келейных исканиях ищет подхода к внутренне всенародным словам; миры символов — рудименты; они развиваются в органы новой, сверкающей жизни, которой следы ощущаются въ мифе уже; ныне вновь изживаем мы истину мифов античности, где пока опочил новый творческий миф; оттого-то в «метафоре», соединяющей образы ветхого мира, восходит *грядущее слово* <выделено мной — *А.Ш.*>: *неологической* порослью; творчество слов — выявление религиозной эпохи, в нас внутренне крепнущей.

Состав слов его лирики определяется взглядом поэта на слово.

А.Белый, «Вячеслав Иванов», *Русская литература XX века. 1890-1910*. Под редакцией С. А. Венгерова II (Москва, 2000), стр. 255-256. Здесь по сути «предсказан» сонет 1927 г.!

¹⁸ Здесь позволю себе дать обширную цитату из письма Д.Н.Мицкевича (США) ко мне от 1 декабря 2006 г.:

Нельзя не сопоставить, хоть бегло, «Язык» с сонетом 1909 г. «Аpollini». Приемственность — несомненна. Много слов — буквально, а синонимически почти *все* символы переняты (в окончательной версии и в вариантах) из сонета 1909 г. И тот же метр, и та же система рифмовки — опоясанная в катренах и двухрифменная в терцетах, сходно строфическое содержание (7½ строк катренов о «земле», ½ о «духе»-посреднике; 1ый терцет о далеких сферах, 2ой — о драгоценном синтезе — «свадебной встрече» (в сонете 1909 г.). Но интереснее различие. До чего сокращается сюжет и сужается тематика, драматический и топографический диапазон! Ведь здесь та же редукция в поисках «ювелирно точного выражения и в то же время — сокрытие религиозно-философского значения поэтических символов и мифологем», но во много раз усиленная. Замечательно, что после стольких жизненных перемен, Иванов снова взялся за этот сонет, но в совсем в другом ракурсе. Это наредкость четкий пример компактного отражения эволюции философии поэзии: ее радикальный переход к минимализму. Но не в смысле покаянной Палинодии, провозгласившей «Молчанья дикий мед и жесткие акриды», а параллельной ей редукции, формально предпринимаемой с того-же, 1927 года, но начавшейся уже во втором томе «Сог Ardens». Прогрессивное сокращение заглавий, мотивов и ассоциаций в сонете «Язык» еще более разительно при сопоставлении с сонетом «Аpollini». Говоря о модели Древа: из «Языка» изымается ствол, т. е., тема всего посредничества поэзии между небом и землей! Варианты «Языка», на поверхности элиминируют синкретизм «Аpollini» и активность роли поэта в его творчестве, а на самом деле глубоко прячут сеть ассоциаций, оставляя в то же время их суть, так как сохраняются все старые символы. Но убирается их мифотворчество, деятельность. Вот некоторые из тематических сокращений:

«Язык»:	«Аpollini»
Единый (родной) язык — земля — мать	Межкультурный интертекст плюс руссизмы
Гимны — синтез «Нездешнего» с «землей»	Гимны, их корень вспаивается слезами, возносятся гордой головой в свет, и сам Аполлон берет и отражает субъект — умершую возлюбленную
Гимны — духоносного <i>предтеча</i>	Гимны <i>уже</i> возносятся
Нет имен моделей	Данте, Аполлон, Дафна плюс десяток аллюзий

Нет эмоций	Любовь, слезы, смерть, мрак, гордость, память, вознесение
В лозе струится гроздий сладость	Хмель волн. Горьких лон
Нет определенного места действия, времени	Строки начинаются буквально с: «Когда», «Как», «Где», «Под», «В», «Кто»
Единство времени, (прошлое и будущее видятся в настоящем)	Будущее, прошедшее, настоящее, плюс совершенный и несовершенный виды, глагольные действия
Статично, кроме 12-ой строки	Динамика совпадения времен («когда»)
Единственный ритуал: свадьба	Похороны. Приношение «Гимнов», Апофеоз, Fiat и лавры. Аполлинизм.
Творенья предтеча	Законченный акт бессмертности

Интересно, что на «Язык» понадобилось 6 редакций и 20 лет, а на «Arollini» — 2 дня. Что это показывает?

Я не говорю что, как поэзия, «Arollini» лучше (хотя, думаю, — занимательней); но содержание несомненно больше, и «духоносность» очевиднее. Зато, «Язык» сокровеннее: все, что *показано* в «Arollini», прикровенно таится в тех же символах в «Языке». Минимализм позднего Иванова — не в упрощении, а в большей прикровенности (Аверинцев в данном случае неправ, говоря, что поздние стихи доступнее). В отличие (или в ногу с?) современными читателями, Иванов «прикрыл», в ногу со временем, «муз и память», но конечно не утратил их.

Contents

Preface	11
ВЯЧЕСЛАВ ВС. ИВАНОВ (Los Angeles — Москва). Переименовываемый город	13
АНДРЕЙ ШИШКИН (Salerno — Rome). «Слово-плоть»: варианты и редакции сонета Вяч. Иванова «Язык»	32
МИШЕЛЬ ОКУТЮРЬЕ (Paris). Двор Пастернака: Опыт интерпретации	50
FARIDA TCHERKASSOVA (Chicago). In the Beginning Was the Word: Biography and Poetry in Kuzmin's "My Ancestors"	60
HARSHA RAM (Berkeley). "Vam" (1909): Interpreting an Early Lyric by Velimir Khlebnikov	77
HANS ULRICH GUMBRECHT, ANDREW J. MITCHELL (Stanford). "The Hermetic Density of Objects": Joseph Brodsky and the Poetry of Things in the Western Lyrical Tradition	93
ФЕДОР ПОЛЯКОВ (Vienna). Заметки о «Путешествии в Стамбул» Иосифа Бродского	106
STEPHANIE SANDLER (Cambridge, Mass.). The Poetry of Displacement, and the Poetry of Alexandra Petrova	122